

„НА ДНЕ“

Молодежь знает только по литературе «дно», описанное Горьким. Миллионная улица, «Столбы», вложные дома, толпы людей, одетых в лодыжки, женщины, предлагающие себя каждому встречному, «казенки» — все это кажется таким далеким, чужим, незнакомым. А все было так недавно, считалось уважаемым, придавало особый колорит и остротку, которыми нижегородцы гордились так же, как кремлем и величайшими в Европе роками.

Как можно городу существовать без Миллионной улицы, нижегородского гетто, «дна» — последнего прибежища обездоленных, опустившихся людей, которым не было возврата к полноценной, трудовой жизни.

Но в трущобы пролился луч света. В смрадные каморки, трактиры и углы, скрапавшиеся впадом, пришел большой человек и писатель, рассказавший всему миру правду о босьяках, проститутках, жиде и липемерий тех, кто довел их до этого, а затем сбросил со счетов жизни. Обошла все сцены пьеса «На дне». Настя, Алешка, Васья, Петя говорили с подмостков от имени тысяч, и тысячи сочувствующих номерам и вылезки узнали себя в образе Костылова.

Татарину-грузчику раздробило руку. — Яман твоё дело, Асан! Без руки ты никуда не годишься! Наш брат по рукам да по спине пенится... Нет руки — и человека нет! Табак твоё дело! Или водку пить... больше никак.

Когда эту пьесу принял в постановке Художественный театр, в Нижний Новгород приезжали художники. Они обошли квартиры, дворы, трактиры, делали зарисовки, и какая-то часть домов Миллионной улицы была увековечена на громадных полотнах декораций. Дома эти пелы и теперь. На некоторых сохранились и пережившие годы вывески: «Дом Александра Семеновича Заплатина», «Дом Романылчева». Недалеко знаменитые «Столбы» — клуб и чайная босьяков, где они были полными хозяевами.

Дома примыкают к горе со стороны Ивановской башни. Во двор и квартиры можно попасть и отсюда, по лестницам, галлерейкам и переходам. Но, выбравшись

из темного чрева сводчатых катакомб, в которые вступаешь прямо с горы, остаешься в нерешительности. Этаж, в который так легко попадать, оказывается со стороны улицы четвертым, и галлерейки висят над ямой крошечного двора, сообщаящегося с миром каменной трубой ворот.

Мысленно перенесись лет на тридцать назад. Может быть, здесь жили Барон и Сатин, и сюда забегала Степанида, чтобы сообщить последние новости «дна». Вот так же входила, наверное, Поля, закончив трудовую день беловойки.

Образы и воспоминания наступают. Каждый угол здесь связан с бессмертными героическими деяниями. Здесь каждый дом похож на книгу, рассказывающую о том, каким было «дно» уже высохшего мутного потока, как нужно было любить и ценить человека, чтобы поднять его из этой бездны и показать миру.

Дома и улицы старой Миллионки не изменились. Все так же

проломившего смотрят узкие, стрельчатые окна домов, нижние этажи которых имеют обязательные «растворы» бумажеских лавок и складов. Капитальными мостками висят ржавые железные галлерей, но по ним бегают сейчас веселые дети, и женщины на этих странных балконах готовят обед и супят ребятишки доспехи.

Кто живет сейчас здесь? Наталья Сергеевна Жатина — старожилка дома № 8. Сорок лет из своих шестидесяти она не оставляет Миллионки, бывшей улички Демьяна Бедного — Живоносной, как она говорит, споря с табличками, прибитыми кое-где на издешних временах фасада.

Во прошлое — во многом тридцать лет — многих здешних матерей. Муж — грузчик, сама она тоже грузила, оставила соседке ребят, забегая их покормить, благо река под боком.

— Максима я видела. Да какой зимогор не встречал его здесь. С нашего дома писал, говорит. Только вряд ли. Все здесь дома одинаковы...

Две ее дочери — Таисия и Клавдия — работают: одна — в типографии, другая — на почте. Бабушка нянчится с внуком Соседки — стахановка фабрики «Красный обувщик» Гелокки Сергеевны Варгина. Она только приехала из дома отдыха. Деток ребят собираются в пионерские лагеря. Юноши и девушки готовятся к физкультурному параду.

И так всюду. Так во всех дворах и кварталах Миллионки, бывшего «дна», где человек пропал за кличкой «босьяк» и где лучшим уделом для девушки считалось звание «содержанки».

Дом № 9. Такая же труба ворот и крохотный двор, залатый каменными стенами. На вытоптанном и утрамбованном клочке земли горит яркий зеленый островок. Присев на корточки, у скамьи возится десяток ребят, выстроивших здесь казньный цветок и травинку.

Миллионка — и клубы. Впрочем, Миллионки уже нет. Мы только прошли по местам, где когда-то великий писатель бывал, чтобы сказать слова утешения, чтобы раскрыть всю мерзость и гниль строя, цинично унижавшего человека, и этот человек вырос, поднялся, и пусть старыми остались дома, но в них живет уже новое поколение, удел которого не «дно», а вершины настоящих, человеческих радостей и достоинства. А клубы — только штрих этого преобразования.

ВИК. КОЛОСОВ.